

РАЗВОД Лед истинности

16+

«ЕГО БРАТ ОДЕРЖИМ МНОЙ.
ОН ПОЙДЕТ НА ВСЕ, ЛИШЬ БЫ Я ПРИНАДЛЕЖАЛА ЕМУ...»

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш
Развод с императором.
Лед истинности
Серия «Темные желания
(однотомники)», книга 11

*<https://litres.ru/73421928>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я кричала правду. Но кому нужна правда, когда есть идеальная ложь?

Ложь о том, что изменила мужу с его родным братом, родила ребенка и убила малыша!

Пока я доказывала невиновность, мой единственный свидетель верная фрейлина была убита. Ребёнок, которого я спасала, найден мёртвым. А брат императора клянётся на крови предков: У нас любовь. Это наш ребёнок.

Меня остригли налысо. Провели по столице в позорном шествии. Толпа бросала в меня лёд и камни. А он смотрели молчал.

В момент, когда топор занесли над моей шеей, моё сердце просто замёрзло.

Правда появилась слишком поздно. Мое сердце лед. Мой редкий дар стихийной магии направился против меня самой.

Он пытается вернуть меня: приносит книги, греет мои руки, шепчет прости.

Но как растопить то, что замёрзло от его же недоверия? Ведь если лед не растопить, я умру. И император это знает.

А в тених смеётся тот, кто всё подстроил.

Тот, чья ложь разрушила нашу истинность.

Тот, кто готов убить весь мир, чтобы я стала его.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	16
Глава 2	20
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8. Дракон	40
Глава 9. Дракон	44
Глава 10	48
Глава 11	51
Глава 12	54
Глава 13	58
Глава 14	62
Глава 15	64
Глава 16	67
Глава 17	69
Глава 18	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кристина Юраш

Развод с императором.

Лед истинности

ПРОЛОГ

– Мало того, что ты изменила мне с моим братом, пока я воевал, так еще родила от него ребенка! Это – позор! – голос Иареда обрушился на меня, как глыба льда с горной вершины.

В его холодных глазах не было гнева. Была агония. Та самая, что рвёт душу изнутри, когда любовь превращается в пепел за одну секунду.

Холод впился в кожу шеи раньше, чем я успела осознать смысл слов. Он пропитывал каждый вдох, который я делала, пытаясь не задохнуться от слёз, застрявших комом в горле.

У меня сейчас было такое чувство, словно меня раздели прилюдно, лишив права на правду!

Язык прилип к нёбу, а я все еще не могла отойти от мысли: «Как он вообще мог такое подумать?! Как он мог заподозрить меня в неверности? Кем он меня считает?»

Позор.

Слово, выжженное раскалённым железом. Теперь оно ста-

ло моей кожей, моим дыханием, моим именем. Оно впиталось в роскошные стены покоев, в ткань бархатного платья, расшитого жемчужинами, в каждый вдох, который я делала, пытаюсь не задохнуться от слёз.

Пять минут назад дверь моих покоев открылась с грохотом. На пороге стоял мой муж, мой император, мой дракон.

Высокий, широкоплечий. В плаще. Его волосы – тёмные, как ночь над горными вершинами, – были растрёпаны ветром долгого полёта, словно новость застала его внезапно, и он бросил всё, сорвался и прилетел. А глаза... О боги, его глаза. Серебристо-голубые, с вертикальными зрачками, как у змеи, готовой ужалить. В них не было гнева. Была смерть. Та самая, что он сеял на поле боя. В его руках было сжато письмо.

За спиной императора в коридоре толпились придворные. Не скрывая любопытства. Не пряча усмешек. Они радовались. Каждый их вдох был глотком моего позора, который для них слаще самых изысканных вин. Каждый шёпот – камнем, брошенным в мою спину.

Но они так и не осмелились переступить порог моих покоев.

Как стервятники они выглядывали из коридора, жадно вбирали каждую деталь моего унижения. Их шёпот сливался в единый гул, от которого закладывало уши и кровь стучала в висках: «Вот она, наша святая императрица...» «А говорила, что верна... А вон как оказалось! Недаром же она сначала

была невестой брата императора! А чувства-то остались!».

– Молчать! – страшным голосом приказал император, глядя на придворных.

Шепот моментально стих.

Все знали. Одно слово – и можно было лишиться всего. Власти, титула, денег и головы.

Но даже слова дракона не могли погасить жадный блеск в глазах и нетерпеливое предвкушение продолжения скандала.

– Это – не мой ребенок! – гордо произнесла я.

Я вспомнила, что было в этой комнате ещё полчаса назад. Запах крови и лаванды. Тёплый вес младенца на моих руках. Голос моей преданной фрейлины, Брины Лейф, дрогнувший от слёз благодарности:

“Спасибо вам, моя госпожа, что скрыли мой позор... Я чувствую себя лучше... Я так благодарна, что Вы приняли роды... Что Вы выходили меня... Что никому не рассказали о моем бесчестье... Я уже нашла для сына хорошую кормилицу...”.

Она стояла в дверях в тёплом плаще с капюшоном и прижимала к груди драгоценный свёрток, с которым не хотела расставаться. Но выбора у нее не было.

– Я жду объяснений! – холодный, резкий голос мужа вырвал меня из воспоминаний, заставив вернуться к унижительной реальности.

Мне было нервно и тошно при мысли о том, что любое моё

оправдание выглядит в его глазах как новая ложь. И каждая моя попытка быть честной лишь укрепляла его подозрения.

Как я могла объявить при всех, что тайно принимала роды у преданной фрейлины, беременной от брата императора? Что обещала спасти её честь, сохранив позор в тайне?

Я дала слово императрицы, что никто не узнает о том, что брат императора три дня назад стал отцом.

И сейчас на одной чаше весов была я. На другой – репутация обесчещенной девушки, чья жизнь будет разрушена из-за сиюминутной прихоти брата императора.

Что-то внутри подмывало сказать правду, чтобы прекратить этот позор. Но очистив своё имя, я запятнаю чужое.

Тогда на репутации моей бедной Брины можно будет поставить крест. Она и так сирота из обедневшего рода. И ей ещё долго будут припоминать незаконнорожденного ребёнка. Даже если императорским указом её выдадут замуж, счастья в браке не будет. Муж обязательно припомнит «ребёночка». А общество брезгливо отвернётся, как только она войдёт в зал. Словно они сами святые!

Даже сейчас, когда взгляд императора резал кожу как нож, я старалась держать лицо и сохранять спокойствие.

– Иаред, послушай меня! Ещё раз повторяю! – мой голос звучал твёрдо и уверенно.

Я подняла лицо, пытаюсь поймать взгляд мужа.

Колени предательски дрожали. Я впилась пальцами в край камина, чтобы сохранить осанку. Ладонь чувствовала холод

мрамора. Сердце – холод его взгляда.

– Это не мой ребёнок. Я готова поклясться.

Горло сжималось, будто невидимая рука душила меня. Предательские слёзы встали комом в горле.

Я чувствовала себя невидимой. Я говорила правду, а мои слова падали в пустоту.

Раньше мы с мужем доверяли друг другу.

Но доверие – хрупкая вещь. Её легко сломать расстоянием. Одним письмом. Одним плачем младенца, доносившимся из моих покоев. Одним шёпотом гнусной сплетни, которая опутала дворец, как липкая паутина.

И мне приходится доказывать, что ребёнок – не мой, хотя его крик раздавался в моих покоях.

“Тише, малыш, тише...”, – вспоминала я слабый голос и слёзы на лице измученной родами Брины.

Я помнила, как Брина несла мне чай, как побледнела, как выронила кружку. Как я срывала с нее тугой корсет, под которым она прятала последствия драконьей прихоти.

Ножное предлежание. Эти слова как проклятье. Ни реанимации, ни кресла, ни инструментов. Не было даже анестезии. Всё, к чему я привыкла в том мире, здесь отсутствовало.

Зато была несчастная роженица, плод передавленный тугим корсетом, коврик возле камина, нож, которым я вскрывала письма от мужа, набор для вышивания, простыня с кровати и тёплая вода в чаше для умывания, которую я принес-

ла из уборной.

Но я справилась. Мать и ребёнок выжили. В том мире мой преподаватель Сергей Константинович поставил бы мне пятёрку! За принятие тяжёлых родов в походных условиях.

Я помнила свои мысли. Сначала: «Только бы выжила», а потом: «Только бы я не внесла никакую заразу!».

“Простите... умоляю вас... Я всё постираю... Обещаю... Только никому не говорите...”, – шептала Брина в бреду, пока я смотрела на свои окровавленные руки, простыню и ковёр в крови. Они выглядели как свидетели убийства, но на самом деле стали свидетелями рождения новой жизни.

Конечно же, всё стирала я. Прямо в королевской купальне, щедро поливая дорогим королевским шампунем с эссенцией драгоценных масел лунных цветов. Закатав платье, я толкла в прохладной воде ногами мокрое окровавленное бельё. По старинке. Как в общежитии. А потом сушила всё возле камина, пока на моей кровати приходила в себя моя верная Констанция Буансье.

Я всегда сравнивала её с Констанцией из «Трёх мушкетёров». И она всегда служила мне верой и правдой.

«Когда я выйду замуж, я заберу его. Скажу, что это – ребёнок моих родственников... Я что-нибудь придумаю... Я усыновлю его. И мы больше никогда не расстанемся... А пока придётся ему пожить у кормилицы... Всё будет хорошо...», – слышался её слабый голос и тихое детское сытое икание. Камин потрескивал. Простыни сушились на стульях.

Три дня понадобилось Брине, чтобы восстановиться. И вот она ушла полчасика назад, чтобы отнести малыша кормилице.

– Давай ты войдёшь, – произнесла я мужу, чувствуя, как дрожат губы: «Он мне не верит!». – А они все останутся за дверью. И я тебе всё расскажу. Только тебе. Одному.

Один взгляд императора – и придворные очистили коридор. Но я знала, что они затаились и ждут. Они ждут, с каким лицом его императорское величество снова откроет дверь. И от этого будет зависеть всё.

Дверь закрылась.

– Я тебя внимательно слушаю, – в голосе мужа был холод. Тот самый, что сковывает реки в горах.

– Это – не мой ребёнок. Это ребёнок Брины. Она родила его от твоего брата. Ей стало плохо, когда она подавала чай. Я помогла принять роды. Она просила никому не говорить. И сейчас, когда ей стало легче, она ушла в город искать кормилицу, – произнесла я, глядя в глаза мужа.

Слёзы наконец прорвались – горячие, солёные, обжигающие щёки. Слёзы обиды. Как он мог вообще подумать, что я ему изменила?

– Она скоро вернётся, и ты спросишь у неё сам.

Император посмотрел на меня, и в его глазах вспыхнула искорка надежды. Но я была очень обижена. Вместо того чтобы тихо прийти ко мне и всё обсудить, он сделал это со скандалом! С позором! С уничтожением всего, что мы стро-

или.

– Ты говоришь правду? – произнёс он.

– Да, – кивнула я. Голос дрогнул, но я держалась. – Сейчас Брина вернётся, и она всё сама расскажет. Я давала слово императрицы, что сохраню ее тайну. А ты дай слово императора, что не расскажешь о ней. И поговоришь с братом.

На мгновение муж стал прежним. Даже его могучие плечи расслабились, словно с них упал тяжёлый груз. Он сделал шаг ко мне – и я почувствовала его тепло. Запах дыма, горной пыли и чего-то сладкого – мёда с полей его империи. Его пальцы дрогнули, будто хотели коснуться моей щеки. Но не коснулись. Я отвела голову, давая понять, что ужасно на него обижена за его подозрения.

Прикосновения не было, но воспоминание о прикосновении ударило сильнее любого удара: его пальцы, скользящие по моей спине в темноте спальни. Его шёпот: «Ты – мой последний приют». Его тело, накрывающее меня целиком, как крылья дракона, защищающие от бури. Я любила его. Люди не понимают – любовь дракона не похожа на человеческую. Она жжёт. Она пожирает. Она оставляет шрамы на душе, которые не заживают никогда.

– Приведите сюда моего брата, – слышался строгий голос мужа.

Дверь открылась, и на пороге возник младший брат императора. «Его младшее величество», как шептали за его спиной, от чего он приходил в бешенство. Он прошёл в комнату,

а я смотрела на него с затаённой враждебностью.

Его волосы цвета спелой пшеницы ниспадали на плечи, обрамляя лицо с нежными чертами и ангельской улыбкой. Глаза – тёплые, янтарные, полные сочувствия. Но я знала. Я видела, как эта улыбка гаснет, когда он думает, что его никто не видит. Как во взгляде вспыхивает нечто иное, тёмное, голодное.

Я замечала, как его пальцы, когда меня обнимал мой муж, непроизвольно сжимались – будто ломали чью-то шею. Как его дыхание перехватывало, когда я проходила мимо – коротко, рвано, как у раненого зверя. Это была не любовь. Это был голод. Одержимость.

– Иавис, – голос императора был тише шёпота. – Было ли между вами что-то?

– Брат, я никогда тебе не лгал... – прошептал Иавис.

– Я тоже никогда тебе не лгала!!! – закричала я.

Иавис поднял на меня взгляд. В его глазах мелькнуло нечто странное. Триумф? Боль? Я не успела разглядеть.

– Прости меня. Я должен был тебе сказать... Но я не думал, что всё обернётся скандалом... Я не хотел говорить тебе при всех, но, увы... Придётся сказать правду. Да. Ингрид, твоя жена приходила ко мне ночами. Говорила, что скучает... Что ты слишком долго воюешь... Что её тело жаждет прикосновений...

Что? Да он вообще с ума сошёл! Такого никогда не было! Мы поговорили один раз! И то при свидетелях.

– Он лжёт, Иаред! – крикнула я, с ужасом глядя на Иависа. Сердце колотилось так сильно, что я боялась, меня сейчас удар хватит. – Прошу тебя, услышь! Между нами ничего не было! И быть не могло!

Взгляд холодных глаз императора скользнул к Иавису. Во взгляде Иареда что-то дрогнуло. Любимый младший брат императора стоял перед ним, опустив с повинной голову.

– Поклянись, Иавис, – голос мужа дрогнул. Он прикрыл глаза. – Поклянись, что ты говоришь правду! Клянись!!!

Иавис сделал глубокий вдох, сглотнул. Его губы дрогнули – почти улыбка.

– Чем тебе поклясться? – хрипло спросил Иавис, глядя в глаза брату.

– Всем! Всем, что у тебя есть! – в голосе мужа слышался металл. – Дай королевскую клятву. Поклянись на крови предков!

– Клянусь. Клянусь всем, что у меня есть. Клянусь кровью предков, короной, чем хочешь! – Иавис поднял глаза, глядя на меня в упор.

Его голос звучал чисто, как колокол. Но в его взгляде плясали тени.

– Правда в том, что мы с императрицей любили друг друга. Девять месяцев назад, когда ты ушёл на войну... Она пришла ко мне. Сказала: «Я не могу ждать». И я... Я не устоял. Разве можно устоять перед ней?

Иаред резко повернул голову в мою сторону, не успев за-

метить, как на губах Иависа мелькнула насмешка. Холодная.
Триумфальная. Адресованная только мне.
Мир накренился. Стены поплыли.

Глава 1

Воздух покинул мои лёгкие резко, будто кто-то вырвал у меня из груди этот выдох.

Колени подогнулись, но я удержалась на ногах, сильнее впившись пальцами в край камина.

В ушах застучала кровь: «Лжец! Лжец! Лжец!», отсчитывая секунды распада мира.

– Я готов дать любую клятву, – произнес Иавис не дрогнувшим голосом. Он повернулся ко мне. – Прости, Ингрид. Но я не могу лгать своему брату. Разве я лгал тебе когда-либо, брат?

Меня душило от бессильной ярости. Она была холодной, тяжелой, оседающей под ребрами тяжестью. Ярости, что меня не слышат! Что слово брата весит больше, чем мое!

– Можешь! И лжешь! – задыхающимся голосом перебила его я, глядя на мужа. – Ред! Он лжет. Я тоже могу поклясться всем, что у меня есть, что между нами ничего не было!

– Я никогда тебе не лгал! – произнес Иавис. – Вспомни. Было ли хоть раз, чтобы я сказал тебе неправду? Зачем мне лгать сейчас?

– Нет, ты мне никогда не лгал, – голос императора был тихим. Уставшим. Мертвым.

Черт! Проклятье! Дерьмо!

Все тело сжалось аж до скрежета зубов.

– Смотри, как она злится. Ингрид, я тебя прошу. Прекрати оправдываться! – произнес Иавис спокойным голосом.

Есть ведь такие люди, которые долгое время говорят правду в мелочах, чтобы однажды соврать по-крупному! Чтобы эта ложь стала нерушимой – поддерживаемой годами доверия.

А меня сейчас просто трясет от того, что я не могу ничего поделать! Что каждое мое движение, каждое мое слово звучит как «запирательство во лжи». У меня слезы проступили от напряжения и унижения. Эта ложь просто... просто... Аппрх!

– Но сейчас он лжёт! – не унималась я, стараясь не броситься на Иависа и не вцепиться ему ногтями в лицо. Слова рвали глотку, оставляя вкус крови. Или это была кровь из прикушенной губы? Я не чувствовала боли – только ледяной ком в животе, расширяющийся с каждой секундой.

– С того момента, как твоя метка вспыхнула на руке моей невесты, – продолжил Иавис, глядя на императора.

Его янтарные глаза блестели от слёз – настоящих ли?

– С того момента, как отец сказал: «Иавис, мы найдём тебе другую!». Я любил эту женщину. Обожал. Обожествлял. И когда она пришла ко мне, я не смог сдержаться... Обычно я старался держаться подальше от неё. Это тебе может подтвердить во дворце кто угодно! У любого спроси! Но в этот раз не смог. Прости меня, брат.

Метка. Я вспомнила золотой знак на своем запястье – дра-

коний узор, выжженный в день помолвки.

Иавис смотрел на брата-императора тогда так, будто он отнял у него солнце. А я не знала тогда, что его взгляд – не боль утраты, а голод хищника, лишившегося добычи.

Император молчал. Я видела, как напряглась его челюсть. Как сжались его могучие кулаки. Как взгляд уперся в огонь камина.

Слово любимого брата против слова любимой жены.

– Сейчас вернётся Брина! – дрогнувшим от возмущения голосом произнесла я.

В груди колотилось сердце – не от страха. От надежды.

– И ты узнаешь, что твой брат лжёт!

Слёзы невольно катились по моему лицу. Я сказала правду. Я даже немного нарушила слово, которое я давала! Я открылась. Я была уязвима, а меня предают в моей уязвимости.

– Найти Брину! И привести сюда! – резко произнёс император, открывая дверь и обращаясь к страже.

Магические светильники в коридоре вздрогнули, как от сквозняка. Но я знала, что это – аура дракона так действует на магию, заставляя ее трепетать перед ним.

Я выдохнула, пытаюсь успокоиться и взять себя в руки. Сейчас придёт Брина и всё расскажет. И Иаред убедится в моей правде. Осталось просто подождать.

Я ждала. Все ждали. Минута. Вторая. Третья... Я считала удары сердца – раз, два, три – будто они были последними в моей жизни. На четвёртой минуте пальцы онемели. На де-

сятой – по спине пополз холодный пот, несмотря на жар камина. На двадцатой – в животе заворочалась тошнота.

Ну где же она? Где Брина, когда она так нужна!

Глава 2

Я даже злилась на нее. Злилась, что это унижение затянулось. Мой взгляд упал на мужа. «Не прощу!» – скрипнула зубами я. Я не прощу этого унижения. Надо же! Поверил сплетне и словам брата! А мне не верит!

На тридцатой минуте я уже не чувствовала тела. Только пустоту. Бесконечную, ледяную пустоту долгого ожидания.

Послышались шаги за дверью. Я встрепенулась.

Сердце выдохнуло: «Наконец-то!» Я посмотрела на Иависа – он стоял, опустив голову, но уголки губ чуть дрогнули. Не от горя. От предвкушения. Посмотрела на мужа – он мерял шагами комнату, плащ хлестал по пяткам, как крылья разъярённого дракона. А потом замер. Как статуя из чёрного мрамора.

Дверь открылась.

«Наконец-то!» – промелькнуло в моей голове, а я сделала глубокий вдох.

На пороге стоял стражник в доспехах, покрытых речной грязью. Вода стекала с его сапог, оставляя на паркете тёмные лужи – как слёзы лжеца.

– Мы нашли Брину и ребёнка, – голос стражника был плоским, лишённым эмоций. Как у палача. – Возле реки. Ребёнок утонул. Её зарезали.

Секунда была совершенно пустой. Без единой мысли.

Просто пустота и тишина. А потом я повторила его слова про себя. «Ребенок утонул. Ее зарезали...» Брину? Зарезали?

– Что?

Это слово вырвалось из меня выдохом – коротким, обрывистым, будто кто-то перерезал голосовые связки. Словно с этим коротким словом – выдохом мое тело покинула последняя надежда.

Ноги подкосились. Я упала на колени не от слабости. От удара. От того, как рушится мир, когда правда становится ложью, а ложь – правдой. Тело – словно не мое. Словно чужое. Словно ноги и руки больше не принадлежат мне. Я их почти не чувствую...

Послышались шаги стражи.

На пол, у ног императора, легли два тела, как жертвы – подношения темному зловещему божеству.

Первое, что я увидела, – кровавый росчерк на шее Брины. Она лежала неподвижно. Бледная, с откинутой головой, с закрытыми глазами. Словно кукла. На том же самом ковре возле камина, на котором рожала. А рядом с ней лежал синий и мертвый младенец в мокрых пеленках. Его крошечные пальчики сжались в последнем спазме. Губы посинели – не от холода. От воды, заполнившей лёгкие.

Профессиональный страх, который преследовал меня во время родов, вдруг стал реальностью. Словно судьба погрозила пальчиком: «Ты меня не обманешь! Им суждено лежать мертвыми на этом ковре возле камина! Ну ладно, так и быть,

за старания подарю им еще три дня жизни!».

Секунда. Вторая... Я чувствовала, словно это – ужасный сон. И стоит себя ущипнуть – я проснусь в своей постели, в объятиях мужа, а Бриана будет подавать мне чай с лавандой.

– Бриана, – прошептала я, глядя на верную фрейлину. Мои пальцы потянулись к ней и замерли в воздухе. Не смели прикоснуться... Словно если я коснусь ее платья, ее холодной руки, ее волос, то осознаю, что больше никогда не услышу ее голос, не увижу ее улыбку, не загляну в красивые глаза.

– Нет! – закричал Иавис, бросаясь к ребёнку. Он упал на колени рядом с маленьким тельцем, обнял его и зарыдал.

Его слёзы падали на лицо младенца – смывали ли они грязь реки или добавляли новую?

– Я же просил тебя! – внезапно сквозь слёзы произнёс он, повернув лицо на меня. – Просил! Не надо убивать его! Ты обещала...

Глава 3

Я почувствовала, мир покачнулся перед глазами. Не метафора – реальное ощущение падения. Комната закружилась: бархатные драпировки поплыли, магические светильники расплылись в жёлтые пятна, лица мужчин исказились, как в кривом зеркале.

– Ты обещала... Это же... – голос Иависа сорвался. Он прижал ребёнка к груди, как сокровище. – Это же мой сын... Мой маленький сын... Мой маленький дракон... Ты обещала, что мы дождёмся, когда вернётся мой брат, и скажем ему правду...

Ложь. Чистая, отточенная, безупречная ложь.

Она обвивалась вокруг меня, как змея, сжимала шею, грудь, сердце. Я задыхалась. Не от слёз. От невозможности вдохнуть воздух, отравленный его словами.

Я видела то, чего не видел Иаред: в глубине янтарных глаз Иависа не было горя. Был огонь. Тихий, тлеющий огонь одержимости. Тот самый, что сжигает всё на своём пути: честь, совесть, жизни.

– Ничего я не обещала! – прошептала я, пытаюсь встать, чтобы защитить себя. – Ты лжёшь! Ты! Ты убил их! Ты!

– Чтобы я убил собственного сына? Ты кем меня считаешь?! – сглотнул Иавис, баюкая на руках мёртвого младенца.

– Лжецом, который устроил этот театр для того, чтобы

брат поверил в мою виновность, — дёрнулась я, понимая, что ловушка захлопнулась.

Словно стальная дверь с грохотом закрылась, оставляя меня в темноте, где никому уже не интересны мои оправдания.

Я задохнулась от ужаса осознания, от горя, от боли.

Брина... Моя преданная Брина, которая плакала в моих объятиях, умоляя спрятать её позор... И малыш... Совсем ещё крошечка... Я помнила его тёплые ручки, помнила, как он зевал и пускал слюнку.

Я не могла поверить в реальность происходящего. Что-то внутри кричало: «Нет! Нет! Это не со мной!».

Смерть малыша, за жизнь которого я боролась, который не хотел дышать, смерть Брины, липкая паутина предательства, за которой стоял тот, кто сейчас рыдал над ребёнком.

И тишина вместо правды.

Мой единственный свидетель моей невиновности замолчала навсегда. Её губы навеки сомкнулись. Её глаза навеки закрылись. Её сердце навеки остановилось.

А я осталась одна против всего мира. С ложью, которая стала правдой, и правдой, которая стала ложью.

– Я любил тебя, – прошептал император, и его дыхание пахло мёдом и мелиссой. Запахом моего мужа. Того, кто раньше верил мне безоговорочно.

– Я носил прядь твоих волос в медальоне, как талисман. Я целовал его перед каждым боем. Твой оберег, который спле-

ла мне. А ты теми же пальцами, что плела мне оберег, ласкала моего брата! Теми же губами, что шептала мне: «Я буду ждать тебя!», целовала его!

– Тогда поверь мне сейчас, – прошептала я, глядя в глаза мужу. – Давай я покажу! Я сама зашивала её! Ребёнок был слишком крупный! Там есть швы!

Я бросилась к юбке Брины. «Прости, милая, прости... Но хоть я попытаюсь что-то доказать!».

– Откуда ты знаешь, как зашивать? Ты же не маг? И не целитель? – спросил Иавис.

Что-то дрогнуло в муже. Словно мои слёзы, застывшие в глазах, заставили его усомниться. Словно мой прерывистый вздох на мгновение пошатнул его веру в слова брата. Словно что-то пробило императорский доспех и вонзилось в его душу.

Его плечи опустились – не от облегчения, а от тяжести собственного желания: поверить. Хоть на секунду. Хоть ложно.

Потому что детоубийце, изменнице светит только смерть. А дракон, утративший своё сокровище, сгорает изнутри – медленно, мучительно, превращаясь в пепел собственного сердца.

– Призовите Клеофу, – приказал Иаред, не отводя от меня взгляда. – Пусть установит отцовство и осмотрит тело.

Но в его глазах я прочитала не надежду. Предложение. Молчаливое, страшное предложение: «Докажи мне свою

НЕВИНОВНОСТЬ!».

Глава 4

Мои руки помнили тепло Брины, тяжесть её тела, когда я поддерживала её во время схваток. А теперь они лежали безвольно. На коленях.

Дверь скрипнула.

Вошла придворная магичка Клеофа. Сгорбленная, как старая ветвь под тяжестью зимы. Её пальцы, костлявые, с кольцами, нервно перебирали какие-то записи. На носу, вздёрнутом и покрытом сетью капиллярных прожилок, сидели очки в тонкой серебряной оправе – такие кривые, будто их выковал пьяный кузнец.

За стёклами прятались два маленьких черных глаза, которые, словно угли, прожигали мир насквозь. Чёрная мантия, подбитая мехом снежного барса, шуршала при каждом шаге, словно тысяча мёртвых листьев шептали проклятия тем, кто оторвал ее от работы.

– О, магия моя! – выдохнула она, остановившись над телами. Её нос дёрнулся, втягивая воздух, пропитанный смертью. – Два трупа в императорских покоях? Что? Склеп переехал сюда? А я-то думала, приду – попьём мне вина, меня угостят пирожными... Нет. Меня угостили работой и двумя трупами! Спасибо, не обляпайтесь! Ну-с, что у нас тут?

Она опустила на корточки – неожиданно ловко для своего возраста – и потянулась к тельцу младенца. Её пальцы,

унизанные перстнями с глазами драконов, замерли над посиневшим личиком. А ее лицо превратилось в неподвижную маску с закрытыми глазами.

– Ой, – выдохнула она. – Мертвенький... Бедняжка. Даже пожить не успел... Мальчонке всего несколько дней от роду...

– Проверь, чей ребёнок! – голос Иареда прозвучал как удар молота по наковальне.

Но в нём уже не было той ледяной уверенности. Была трещина. Тонкая, как волос, но я почувствовала её кожей – той самой кожей, что когда-то узнавала его прикосновения с закрытыми глазами.

Клеофа фыркнула, закатывая рукава мантии. На обнажённых предплечьях плясали татуировки – древние руны, вытатуированные не чернилами, а пеплом сожжённых предков.

Жуть!

Я когда впервые об этом услышала, чуть не вернула завтрак обратно.

– А что тут такого, моя дорогулечка? – удивилась Клеофа, рассматривая рисунки на своем теле. – Зато их магия усилила мою. Дядя меня, конечно, не любил...

Она показала на таинственный знак.

– Поэтому чешется и свербит постоянно. А вот мой братец. Он хотел сделать татуировку из меня, но я успела раньше! Люблю во всём быть первой! – рассмеялась она смехом старой карги.

Просмеявшись, она посмотрела на меня.

– Я вообще доброй волшебницей считаю, – заметила она, пряча в рукавах татуировки из родственников.

Сейчас Клеофа подняла тельце ребёнка. Вода с мокрых пелёнок капала на паркет, рисуя тёмные круги на полу – последние слёзы невинности.

– Я могу сказать лишь, кто отец, – проворчала она, укладывая младенца на мраморный столик для карт. – Отец – это магия, наследование, деньги, род. А материнство... материнство – это случайность!

Она провела ладонью над тельцем. Браслет на её запястье – сплетение серебряных змей, глотающих собственные хвосты – вспыхнул зелёным светом. Из него вырвался дымок, переливающийся всеми оттенками боли: от бледно-розового стыда до чёрного предательства.

Дымок завился в воздухе, как живой, и устремился к Иавису – напрямик к его сердцу.

– Отец... – Клеофа подняла на него взгляд, и в её глазах мелькнуло нечто странное. Как будто она видела не только магию, но и ту тьму, что скрывалась за янтарными глазами. – Он.

Сердце в груди моей взорвалось надеждой – горячей, обжигающей, как расплавленное золото.

– А кто мать? – вырвалось у меня хрипло. Я поднялась на ноги, не чувствуя коленей.

– Скажи, кто мать! Проверь! Умоляю! Подними ей юбку!

Там швы...

Клеофа осторожно приподняла юбку и тут же опустила.

– Да, я многое видела в этой жизни... Но там... Там просто... просто... Короче, – прокашлялась она, пытаясь вернуть себе прежний уверенный голос. – Убийца решил, что перерезать горло мало и... Так, слабонервные есть? Нет? Решил, что контрольный удар нужно наносить не в голову, а... туда...

Я прошептала одними губами слово, которое рвалось из меня. Слово из другого мира. Очень неприличное...

– Моя дорогулечка, – Клеофа поправила очки, и стёкла блеснули, скрывая её взгляд. – Материнство – это не магия. Это кровь, боль и слёзы. Магия видит семя. Но не видит ту, чьи кости ломались, чтобы впустить в этот мир новую жизнь. Не видит ту, чья душа рвалась пополам в родах. Этого не измерить заклинанием.

Она помолчала, словно думая, как объяснить нам понятней.

– Магия реагирует на магию. Магия мальчиков, как известно, наследуется по отцу. Если девочка, то по матери. Вот была бы девочка, тут еще можно было бы поколдовать. Но у нас мальчик. Могу объяснить на котятках...

– Брат, я же сказал тебе, что не стал бы лгать! Это – мой ребенок! Наш ребенок с Ингрид! – Иавис опустил голову, и его пшеничные волосы рассыпались по плечам, как золотой водопад.

Глава 5

Он поднял на Иареда глаза, полные слёз – настоящих, горячих слёз, которые оставляли мокрые следы на щеках. Но я видела то, чего не видел мой муж: как дрожат его пальцы не от горя, а от напряжения. Как подрагивают уголки губ, сдерживая улыбку.

– Только прошу тебя... Не надо её наказывать... Не наказывай Ингрид... Если хочешь – накажи меня! Я во всём виноват! Я заслуживаю смерти! – голос Иависа дрожал, как струна перед обрывом. – Но она... она была слаба. Считай, что я соблазнил её. Я использовал твоё отсутствие. Прости меня, брат. Прости нас обоих...

Иаред стоял неподвижно.

В его серебристо-голубых глазах с вертикальными зрачками плескалась буря – не гнева, а разрушения. Он смотрел на меня, и я видела: он хочет поверить. Хочет так сильно, что готов сломать собственную душу, лишь бы спасти остатки любви. Но магия не врёт. А магия указала на Иависа как на отца. А Иавис указывал на меня.

– Клянись! – произнес Иаред, протягивая брату кулак, на котором сверкал фамильный перстень с драконом – фамильный артефакт. – Клянись на нем. Клянись, что ты говоришь правду. Ты знаешь, что если ты солжешь, то будешь проклят.

Иавис поднял руку и положил поверх перстня брата. Се-

кунда колебания. Один тайный взгляд на меня.

– Клянусь. Я говорю правду. Я и Ингрид – любовники. И это наш ребенок! – произнес он.

Его пальцы едва заметно сжались, словно от боли. Словно даже предки были возмущены его ложью.

“За что? За что ты так со мной, Ингрид?”, – прочитала я в глазах мужа.

Всё. Если раньше он еще сомневался, то теперь сомнений не осталось. Я виновна.

– Увести её, – произнёс Иаред. Не крикнул. Не зарычал, как дракон. А прошептал – тихо, устало, будто вырывал из себя последний кусочек сердца. – В камеру. До вынесения приговора.

Стражники ворвались в покои – двое великанов в доспехах цвета застывшей крови.

Меня дернули. Я почувствовала, как лопаются швы на платье, расшитом жемчугом. Железные пальцы впились в кожу так, что завтра там останутся синяки. Я не сопротивлялась. Не кричала. Только смотрела на Иареда – на его лицо, выточенное из мрамора и боли.

– Ну и оставайся со своим клятвопреступником! – прошептала я дрожащим от боли голосом. – Я никогда тебя не прощу! Не прощу за то, что ты мне не поверил!

Когда меня повели к двери, я обернулась.

Иавис стоял у камина, за спиной брата, прижимая к груди мёртвого ребёнка. Его губы шевелились – беззвучно, как у

молящегося монаха. Но я прочитала по губам одно слово. Не «мой сын». Не «моё горе».

“Моя”.

Глава 6

Переполненный любопытными придворными коридор расступился передо мной, словно я – чумная.

Я шла мимо них с гордо поднятой головой, не чувствуя ног. Каждый шаг отдавался в висках глухим стуком: это сон, это сон, это сон.

Придворные выстроились вдоль стен, как стая голодных псов. Их шёпот обвивал меня невидимыми верёвками. Он был повсюду.

– Смотрите, какая гордая пошла... – прошипела леди Лодовика, её малиновые губы изогнулись в усмешке. – А ведь ещё вчера принимала от меня поклоны...

– А я всегда подозревала... – добавил ядовитый и одновременно восторженный голос из толпы. – Вы видели, как его младшее императорское величество на нее смотрит! Словно сейчас набросится и сорвет с нее одежду... Прямо в тронном зале!

– Убила ребенка. Думала, что никто не узнает... – послышался смешок. – Хочу посмотреть, как ее будут казнить!

Я подняла голову. Взгляды, острые, как иглы, впивались в меня. Глаза леди Элианы, обычно тёплые, теперь блестели от ненависти. У нее самой было трое детей. И недавно родился четвертый.

Господин Кассиус, старый советник с лицом, изборождённым

ным морщинами мудрости, отвернулся – не от жалости, а от отвращения. Его плечи содрогнулись, будто он боялся, что моя тень коснётся его плаща и испачкает его репутацию.

Каждый жест, каждый взгляд превратились в плевок.

Ступени вниз вели в чрево дворца – туда, где воздух густел от сырости и отчаяния.

Каждая ступенька уводила меня дальше от света, от тепла, от жизни.

Моё платье, расшитое жемчугом, цеплялось за каменные выступы, теряя нити, как душа теряет надежду.

На тридцать второй ступени оторвался крупный бриллиант – сверкающий камушек покатился вниз, звеня, как смех над моей судьбой. Кто-то из стражи тут же подобрал его, сунув себе.

Внизу пахло медленно гниющей смертью. Здесь, в темноте, в одиночестве, в собственных испарениях, ждали приговора или смерти десятки узников. К решетке камеры прильнула молодая светловолосая женщина, остриженная коротко и неаккуратно. Она молча смотрела на меня безумным взглядом.

Лязг засова – звук, от которого тут же сжались все мои внутренности.

Меня толкнули в темноту.

Я упала на колени в кучу старой прелой соломы. Она прощуршала подо мной, источая запах плесени и гнили. Я села, подобрала ноги и накрыв их юбками. А потом прислонилась к

стене. Стена за спиной была мокрой – сырость впитывалась сквозь ткань, проступая холодным пятном на коже.

Глаза стали привыкать к темноте. Но душа не могла привыкнуть к мысли о смерти.

Глава 7

В углу стояла деревянная миска, в которую с потолка падали капли. Кап. Кап. Кап.

Я не знала, что это. Часы или единственная вода, которая доступна узнику.

Под сводом располагалось крошечное окошко – узкая щель с ржавыми прутьями.

Сквозь него пробивался слабый свет заката, окрашивая пылинки в воздухе в кроваво-золотой оттенок. Тот самый закат, под которым я когда-то танцевала с Иаредом в императорских покоях. Я помнила, как внизу живота разливался жар, когда наши тела оказывались слишком близко. И я изнывала от этого жара... Он тоже...

Я помнила поцелуй, который должен был остудить мой жар, но не остудил. А лишь разжег его...

– Я не мог отдать тебя ему... – слышала я шепот и шелест платья. – Одна мысль о том, что ты принадлежишь не мне, выжигает всё внутри...

– Но я же твоя... – шептала я, чувствуя, как свадебное платье падает на пол.

Его руки обвивали мою талию, его дыхание страстным шёпотом касалось моей шеи.

В день нашей свадьбы был такой же закат. Тот закат нарушали лишь мои сладкие стоны на королевском ложе... А

этот... Этот нарушали мои тихие всхлипы в камере темницы.

Теперь я смотрела на закат через решётку. Не как императрица, а как женщина, чью правду растоптали...

Я закрыла глаза. Попыталась вспомнить запах его кожи – дым, свежесть горных вершин, мелисса, мёд.

Но вместо этого в нос ударил смрад камеры, от которого меня чуть не стошнило.

Я снова попыталась представить его голос – низкий, бархатный, шепчущий моё имя в темноте. Но вместо этого в ушах далёкие стоны умирающих и шёпот придворных, который вьелся в душу: «Шлюха. Предательница. Детоубийца!».

Я прижала ладони к вискам, но слова проникали всё глубже – в кости, в кровь, в самую суть моего существа. Что-то внутри треснуло от боли. От бессильной ярости.

Треснула душа. Та самая, что верила в любовь, в то, что правда всегда восторжествует.

Такая глупая душа... Она всё ещё на что-то надеется. Она всё ещё верит в справедливость...

Дверь камеры скрипнула.

Сердце взметнулось к горлу – дикое, безумное, жаждущее спасения.

Иаред. Он передумал.

Он вспомнил мои глаза, мои губы, мои клятвы... Он пришёл сказать, что верит мне...

Я повернулась в сторону света, который упал из коридо-

ра, и почувствовала, как свет режет глаза. На пороге стоял высокий силуэт.

Глава 8. Дракон

Холод в моих жилах не имел ничего общего с холодным ветром, что врвался в ее комнату сквозь распахнутые окна. Это был другой холод – тот, что рождается, когда сердце начинает замерзать изнутри.

Я стоял у окна, глядя на снег, падающий над городом. Каждая снежинка – как обещание чистоты. А я уже не верил в чистоту. Я уже ни во что не верил.

Она сказала – это ребёнок Брины.

И в её глазах не было лжи – только обида. Обида на меня. За скандал. За позор перед двором.

Но Иавис...

Иавис смотрел мне в глаза. Я чувствовал его дыхание.

«Брат, я никогда тебе не лгал».

Эти слова врезались в память, как клинок в мягкую плоть. Потому что это была правда.

Мы росли вдвоём – два драконёнка под крышей отца, который смотрел на нас с холодной гордостью императора.

Иавис был младше на год и на целую вселенную нежности. Если меня воспитывали как будущего императора, то его баловали. Баловали так, что иногда даже я завидовал. Но он всегда делился. Конфеты, которые мама сунет ему в карман, делились поровну.

Иногда он даже брал вину за мои ошибки, когда отцовская

ть нависала надо мной. Иавис знал, что наказание для меня будет слишком суровым: “Ты же будущий император! У тебя в руках будет сосредоточена власть над всей империей! Император не имеет права на ошибку!”. А его поругают и отпустят. Отец нахмурит брови, потом махнет рукой.

Стоял за моей спиной, когда я учился держать меч, и шептал: «Ты справишься. Ты – будущий император».

Он никогда не завидовал мне, когда я стоял рядом с отцом как наследник. А Иавис стоял чуть поодаль, словно запасной.

Но все изменилось в тот день, когда он и его невеста стояли перед тронном отца. Впервые в жизни, глядя на девушку, я почувствовал, как рвется изнутри мой дракон: “Моя! Она моя! Не его! Только моя!”. Я помню, что даже покачнулся, глядя на то, как она поднимает на меня глаза и задерживает взгляд.

Казалось, в этот момент по коже пробежал мороз. И в ту же секунду сменился жаром.

Я знал, что ничего в этой жизни не будет иметь значения, если эта девушка не станет моей.словно весь мир, огромный, шумный мир сузился до ее хрупкой фигурки в лиловом платье. Долг, честь, закон, брат – эти слова как пощечины, которые я мысленно себе давал, чтобы не смотреть на невесту брата. Но я не мог отвести взгляд.

Я помню, как выдохнул. И дыхание было горячим, словно моя плоть раскалилась до предела. Чешуя пробежала по

моим рукам, а вместо ногтей вылезли хищные когти. “Добыча!”, – ревел дракон внутри.

Я понимал, что не должен так поступать. Но как только отец даст им свое благословение, будет уже поздно. И мне останется только смотреть, как Иавис обнимает ее, целует, кружится с ней в танце. Потому что она будет принадлежать ему.

“Нет, это – невеста брата. Он ее любит...”, – шептал я самому себе.

“Нет. Эта моя жена!”, – рычал дракон.

И в эту же секунду она испуганно дернула рукой. Я почувствовал, как по моей коже золотом расползается метка. Дракон все решил сам.

Когда на ее руке проступила моя метка, я увидел, как нечто умирает в глазах брата. Не надежда. Вера. Вера в то, что мир справедлив. “Прости... Прости...”, – мысленно шептал я, видя, с каким удивлением смотрит отец то на невесту, то на меня.

“Иавис, мы обязательно найдем тебе хорошую невесту!”, – слышал я голос отца, когда ее руку вложили в мою.

Мне показалось, что одно прикосновение к ее коже – это как глоток воды в пустыне. Я никогда не испытывал такого наслаждения. Одно лишь касание. Ее тонкая рука в моей большой руке, и я весь мир готов отдать, чтобы так было всегда. Словно я болен, а она – мое единственное лекарство. Ее кожа под моими пальцами горела – не от стыда, а от магии,

что сплела нас в одно дыхание.

Но в этом счастье была горечь.

“Иавис! Вернись в зал! Тебе никто не давал разрешения уходить!”, – строго произнес отец, а я слышал, как хлопнула дверь.

“Брат...”, – стонало сердце. Я чувствовал себя таким виноватым перед ним.

Я украл у него солнце. И назвал это судьбой.

“Иавис! Открой... Я прошу тебя...”, – моя рука опустилась на его дверь. За ней тишина.

Глава 9. Дракон

Он молчал. Не открывал. Мне казалось, что его там нет. Но он был в комнате.

“Иавис...” – я прижался к двери лбом, чувствуя, что не могу найти правильных слов, чтобы попросить прощения. Попросить прощения за свое сердце. За своего дракона. За то, что все получилось именно так.

“Прости, брат... Прости...” – шептал я, сжимая кулаки.

Он был там. Он слышал мое «прости». И я сам понимал, как же глупо оно звучит.

“Ты что? Императору не следует оправдываться!” – произнес отец.

“Но он мой брат! Я поступил... Мой дракон поступил... ужасно... Я не знаю, что на меня нашло...” – тяжело дышал я, стоя перед троном отца.

“Это – истинность! Она очень редкая... И тебе повезло. Как только я увидел метку, я сразу понял: «Моему сыну несказанно повезло!» Это словно... поцелуй судьбы...” – задумчиво произнес отец.

И я снова стоял перед дверью брата. Но на этот раз он открыл.

Иавис сидел в углу комнаты, которая теперь напоминала руины. Светлые растрёпанные волосы, костяшки, сбитые в кровь, взгляд безумца, порванная одежда. Это не тот брат,

которого я помню.

“Зачем пришел?” – голос хриплый, чужой.

“Она же не твоя истинная...” – прошептал я, садясь рядом.

“И что? Что с того?” – слышал я его голос. Но лица не видел. Только шторка спутанных волос. – “Или ты хочешь сказать, что если не истинная, то всё? Можно забирать?”

Я не нашел, что ответить.

“Я люблю ее... Не представляешь насколько. Без метки. Без истинности. Просто люблю...” – услышал я его хриплый, болезненный голос.

“Но если ты вдруг встретишь свою истинную, то ты поступишь так же, как и я... Только... Только тебе придется бросить Ингрид...” – произнес я, снова глядя на брата.

“Я выжгу эту метку со своей руки. Если надо – отгрызу руку. Я буду выжигать ее до тех пор, пока меня не перестанет тянуть к истинной. Чтобы остаться с Ингрид...” – его голос был тихим.

Он никогда мне не лгал. И сейчас поклялся своей кровью, что они были вместе. Что они любили друг друга... К тому же придворные часто видели его возле ее двери, о чем написали мне в письме.

И, быть может, я бы простил Ингрид. Если бы не убийство ребенка, если бы не клятва брата.

Я отвернулся к окну. Снег падал гуще. Город тонул в белом молчании.

«Увести её в камеру».

Я вспомнил свой голос, когда произносил эти слова. Он был словно чужим.

Но когда дверь закрылась за ней, за Иависом, я опустился на колени прямо на мраморный пол, прижал ладони к глазам и почувствовал, как по щекам катятся слёзы.

Я представил её там. Одну. В темноте.

И впервые за всю жизнь я возненавидел себя сильнее, чем врага на поле боя.

Потому что я знал правду – ту, которую не смел произнести вслух:

Я выбрал честь империи и потерял её.

Если бы я выбрал её – я потерял бы честь.

Я сел на пол ее комнаты. Прижался к стене. Как Иавис тогда... Словно я хочу почувствовать поддержку холодного камня.

Что-то внутри рвалось к ней.

Но я знал, что каждый шаг к ней – это шаг к признанию того, что я своими руками нарушаю законы предков. Я понимал, что если сохраню ей жизнь, то поднимется восстание. «Почему императору можно плевать на законы, а нам нельзя!» – начнется хаос, убийства. Империя погрузиться во мрак.

Вот она, честь императора. Не меч и не корона. А боль, одетая в плащ справедливости.

Я поднялся. Выпрямил спину. Надел маску императора

поверх страданий любящего мужа и вышел в коридор.

Через час я буду смотреть, как её остригают перед всем двором. Как ведут позорным шествием. Как её голова ляжет на пень.

И я не отведу взгляд.

Потому что это – моя казнь. Не её.

Она умрёт быстро. Один удар топора и всё.

А я буду умирать медленно. Каждую ночь без нее. Каждый вдох с мыслью о том, что ее больше нет. Каждый закат, под которым мы когда-то танцевали.

“Прости меня, – прошептал я в пустоту. – Прости, моя маленькая королева. Ты разбила мне сердце... Но я все равно люблю тебя... Эта любовь – моя рана. И я позволю ей кровоточить до конца”.

За окном снег падал гуще. Заметая следы. Стирая прошлое.

Как будто мира, в котором она жила, мира, в котором мы были счастливы, никогда и не существовало.

Глава 10

На пороге стоял стражник. Не Иаред. Не спасение. Черный силуэт на фоне теплого света.

Его лицо было скрыто под шлемом с узкой прорезью для глаз.

– Его императорское величество постановил, – произнёс он, и голос его был уставшим и равнодушным. – Через час вас остригут налысо в главном зале перед всем двором. Потом проведут по столице позорным шествием, чтобы каждый увидел лицо изменницы и убийцы. А после... казнь. Отрубят голову на площади перед дворцом.

Он замолчал. Потом добавил, и в его голосе мелькнула тень удовольствия:

– Считайте это милостью. Император заменил костёр на топор палача. Я бы на вашем месте радовался. А не то сгорели бы медленно. Первыми бы вспыхнули волосы и одежда, потом кожа трескалась бы от жара. И только потом бы вы задохнулись от дыма. Так что благодарите судьбу. Милостью императора ваша смерть будет быстрой.

Дверь захлопнулась. Засов лязгнул – окончательно, бесповоротно.

Я не закричала. Не завывала. Сначала во мне воцарилась тишина – абсолютная, как в могиле. Потом тишину разорвало.

Я схватила миску и швырнула её в стену. Дерево расколо-

лось с глухим стуком. Я рванула с шеи ожерелье, подаренное мне Иаредом на прошлый день рождения.

Мои пальцы впились в волосы – густые, золотые, ниспадающие до пояса. Волосы, которые он любил распускать по ночам, проводя пальцами от корней до кончиков. Волосы, в которые он зарывал лицо, шепча: «Ты пахнешь булочками и цветами».

Теперь их остригут перед всеми, как у преступницы. Как у той, кто не достоин даже сохранить собственную красоту в последние минуты жизни.

Я завывала. Не как человек. Как раненый зверь. Звук вырвался из глубины груди – хриплый, раздирающий горло. Я билась головой о стену, пока лоб не покрылся синяками. Царапала ногтями камень, пока под ногтями не потемнела кровь. Рвала на себе платье – жемчуг рассыпался по полу, как слёзы богов, которые отказались меня спасти.

Нет. Нет. Нет.

Это не моя судьба. Я не изменяла. Я не убивала. Я спасала жизни – и за это меня убьют. Мир перевернулся. Добро стало злом. Правда – ложью. Любовь – преступлением.

Я упала на солому, свернувшись калачиком. Теперь уже не имело значения, чем она пахла.

Тело сотрясали судороги. Слёзы лились рекой – горячие, солёные, выжигающие кожу щёк. Я рыдала до тех пор, пока в горле не осталось ничего, кроме хриплого клокотания. Пока лёгкие не отказались вдыхать этот смрадный воздух. Пока

душа не начала покидать тело – тихо, незаметно, как дым из камина.

И тогда дверь открылась снова.

Я не подняла головы. Мне было всё равно. Пусть забирают. Пусть ведут на эшафот. Я уже мертва внутри.

– Ингрид...

Голос. Тёплый. Знакомый до боли.

Я замерла. Сердце, которое только что умерло, сделало один рваный удар – и остановилось.

Медленно, как во сне, я подняла лицо.

На пороге камеры стоял Иавис.

– Ты... – прошипела я, чувствуя, как меня трясет от его присутствия.

Он подошел ко мне, схватил меня за плечи, а я попыталась отстраниться.

Глава 11

– Убирайся! – охрипший крик разорвал тишину камеры, но он лишь улыбнулся – тонко, как лезвие бритвы.

Его пальцы впились в мои плечи. Я почувствовала не боль – а жар. Его тело дрожало, прижимаясь ко мне, и сквозь ткань разорванного платья я ощутила бешеный стук его сердца – не от раскаяния, а от лихорадки. От голода. Его дыхание обжигало мне висок: горячее, прерывистое, пахнущее мятой и чем-то металлическим – кровью? Или это был запах его безумия?

– Прости меня, любовь моя, – прошептал он, и его губы почти коснулись моего уха. – Ты же знаешь... Я любил тебя всегда. С того дня, как увидел тебя. Ты смеялась – и мир остановился. Только для меня.

Я замерла. В горле застрял ком – не из слёз, а из чистого, ледяного ужаса. Потому что в его голосе не было лжи. Была правда. Его правда. И от этого становилось страшнее.

– Ты убил их, – выдохнула я. Голос дрогнул, предавая меня. – Ты убил Брину. Ты убил ребёнка. Ты убил меня.

Его губы дрогнули. Не в улыбке – в судороге. Он отстранился на ладонь, и в янтарных глазах вспыхнуло пламя: не злобы, а экстаза.

– Посмотри, что ты сделала со мной... – прошептал он. Его пальцы скользнули с моих плеч вниз – по ключицам,

по рёбрам, останавливаясь у талии. Каждое прикосновение оставляло на коже мурашки. Не от желания. От древнего, животного страха – того, что заставляет зайца замирать перед волком. – Это ты виновата... Да, я убил твою служанку. Мне жаль... Жаль, что ты не понимаешь: ничто в этом мире не имеет значения... кроме тебя.

Он вдохнул – глубоко, жадно, как тонущий глотает воздух. Его ноздри раздулись, вбирая мой запах: пот, слёзы, страх. И что-то в нём дрогнуло – зрачки расширились, губы приоткрылись. По скулам пробежала чешуя...

– Даже сейчас... – его пальцы коснулись моей щеки. Я отшатнулась, но он схватил меня за подбородок – не грубо, а с такой нежностью, что стало дурно. – Даже в слезах. Даже в грязи. Даже с разбитой душой... Ты прекрасна. Если бы ты знала, как я хочу тебя... Не тело. Не душу. Хочу тебя. Каждую клетку. Каждый вздох. Каждый стон – даже тот, что ты издаёшь сейчас.

Он схватил мои руки – холодные, дрожащие – и прижал к своим губам. Его поцелуи были мокрыми, горячими, отчаянными. Он целовал мои пальцы, запястья, вены на внутренней стороне ладоней – там, где пульс бился в такт моему ужасу.

– Я схожу с ума, – прошептал он, и его голос сорвался. – Знаю. Я – безумец. Но у тебя есть шанс... Один час. Я выведу тебя отсюда. Через тайный ход. Стражу я подкупил. Мы уедем в горы. Ты будешь моей. Только моей. А утром... ты

попросишь меня еще... Обещаю... Ты будешь сама прижиматься ко мне, как прижималась к нему... Ты будешь умолять еще... И я дам тебе всё, что ты захочешь. Ты не понимаешь... Я бы отдал всё за тебя. Всё. Каждый вдох... Вечность – это мало. Мне нужно больше. Больше, чем время может дать...

Глава 12

Он отпустил мои руки и наклонился ещё ближе. Его губы почти коснулись моего уха, а пальцы легли на мой подбородок.

– Потому что ты – моя, Ингрид. Ты всегда была моей. Даже когда лежала в его постели. Когда стонала под ним. Когда он сдирал с тебя платье... Когда шептала его имя...

– Откуда ты знаешь? – зарычала я, и голос мой разорвался на осколки – острые, как битое стекло.

Он не ответил сразу. Его пальцы, всё ещё сжимающие мой подбородок, медленно сползли вниз – по шее, по ключице, к вороту разорванного платья. Каждое прикосновение оставляло на коже жгучий след, будто он выжигал на мне клеймо собственности, задыхаясь от желания.

– Я слышал всё это, – прошептал он наконец, и в его голосе не было ни стыда, ни раскаяния. Только тихое, пульсирующее безумие. – Слышал... И вырезал твоё имя на своей руке... Чтобы было не так больно думать о том, что мою невесту сейчас имеет брат. Теперь она его жена...

Янтарные глаза потемнели, превратившись в две бездны.

Он отстранился. Рука его дрогнула – не от страха, а от нетерпения. Он закатал рукав до локтя.

На внутренней стороне предплечья красовалась надпись. Не руны. Не символы. Моё имя «Ингрид», вырезанное

неровными буквами, будто ножом, впившимся в плоть до кости. Тонкие розовые рубцы – свидетельство того, как глубоко он вонзил лезвие в собственную плоть. Как много раз повторял это имя движением ножа, снова и снова, пока рана не зажила, пока боль не стала частью его тела.

– В ту ночь, когда ты впервые легла с ним... – его голос сорвался. Янтарные глаза расширились, зрачки превратились в две чёрные бездны. – Я стоял за дверью ваших покоев. Слышал, как он шепчет тебе «любимая». Слышал, как ты стонала... Как царапала ему спину... Как звала его по имени...

Он сглотнул. Горло его дёрнулось – судорожно, как у умирающего. Он протянул руку – ту самую, с вырезанным именем – и коснулся моей шеи. Его пальцы легли на пульс. Я почувствовала, как он бьётся быстрее. Предательски, непроизвольно.

– Я вернулся в свои покои. Взял кинжал. И начал резать. Сначала букву «И». Потом «н». Потом «г»... Каждый раз, когда вспоминал твой стон – новый порез. Каждый раз, когда представлял его руки на твоей талии – глубже. Кровь текла по руке, капала на пол... Но боль в теле была ничем по сравнению с той, что рвала мне грудь. Я кричал. Рыдал. Но не останавливался. Пока не вырезал всё имя. Пока не почувствовал, что твоё имя стало частью меня. Мне принадлежало только твоё имя. А тело, душа, любовь – ему.

Он протянул руку – ту самую, с вырезанным именем – и коснулся моей щеки. Я вздрогнула. Его пальцы были горя-

чими. Обжигаяще горячими – как у больного в лихорадке.

Дрожь в моем теле боролась с желанием понять безумие, которое ради меня убило двух невинных.

– Ты не понимаешь, Ингрид, – прошептал он, глядя мне в глаза. – Это не преступление. Это любовь. Настоящая. Та, что не знает границ. Та, что готова сжечь мир, лишь бы коснуться твоих губ. Я убивал, вонзал нож... Убивал свою честь... Всё ради тебя. Ради шанса прикоснуться к тебе вот так...

Он попытался меня поцеловать, но я отвернулась и задержала дыхание.

– Убирайся, – прошептала я, но голос предал меня – стал хриплым, сломанным. – Ты – чудовище... Ты убил Брину и собственного сына!

Он улыбнулся. Не злобно. С болью. Он сжал мое горло.

– Чудовище, которое любит тебя больше, чем брат. Он отдал бы тебя на эшафот ради чести империи. А я... Я убил бы весь мир, лишь бы спасти тебя... Слышишь?

Я попыталась сглотнуть, но его пальцы крепко держали меня за горло.

– Я ревную тебя даже к воздуху, – прошептал он, приблизив лицо. – Которым ты дышишь... Даже к воздуху...

– Убийца, – прошептала я, зажмурившись. Пусть убьет. Пусть убьет сейчас. – Ты убил невинную женщину и ребенка... Своего сына...

Его взгляд остановился на мне. Пальцы на моем горле раз-

жались.

– Да, я убил Брину. Но... Своего ребенка я не трогал, – медленно произнес Иавис.

Глава 13

– Что значит «не трогал»? – прошептала я. – Это – очередная твоя ложь!

– Она сама бросила его в воду. Твоя верная служанка солгала тебе по поводу «кормилицы». Иначе бы как она оказалась возле реки? – заметил Иавис. – Первые жилые кварталы начинались немного в другой стороне... Но она шла к реке... Не к людям. К воде...

Его слова показались мне страшными. Я даже в мыслях не могла такого допустить.

– Ты лжешь! – прошептала я, боясь, что услышанное – правда.

– Нет. Не лгу. И ее убийство было моим приговором. За то, что она убила моего сына. За то, что она солгала тебе про кормилицу. За то, что у нее поднялась рука бросить беззащитного младенца в холодную воду. И если ты думаешь, что я играл свою роль, обнимая сына, ты ошибаешься.

В его глазах сверкнули слезы.

– Я плакал по-настоящему. Можешь верить, а можешь не верить!

Он замолчал. Я чувствовала, как внутри становится тихо, словно мысли кончились. Нет, Брина не могла так поступить... Нет! Нет! Все внутри отрицало эту возможность. Неужели горе сломило её разум? Или Иавис внушил ей, что

смерть лучше позора?

Его руки коснулись моих коленей. Послышалось глубокое дыхание и стон наслаждения. Жадные пальцы давили на мою кожу. По спине пробежала дрожь отвращения. Но он этого не заметил. Или не хотел замечать.

– Ты не знала, что я вдыхаю воздух после тебя – в коридорах... И думаю, что «она дышала им»... – слышался шепот. – Давай сбежим... Это – твой шанс... Наш шанс...

Он положил мне руку на щеку, поглаживая пальцем. Внизу живота потеплело. Он делал это так же, как его брат. Но тут я почувствовала тошноту. Потому что это были не пальцы Иареда.

– Тебя остригут налысо... Твои чудесные волосы... Их срежут ножницами... А потом тебя проведут позорным шествием по улицам столицы... Босиком... В одной рубашке... И чернь будет кидать в тебя камни и тухлятину... А потом твоя голова ляжет на пень... – шептал Иавис. – Или... Или ты и я... Далеко-далеко отсюда... Ты же знаешь, я пойду на любое преступление, лишь бы ты была моей... Подумай...

Его дыхание участилось. Грудь вздымалась – рвано, судорожно. Он приблизил лицо к моему. Так близко, что я видела каждую жилку в его глазах, каждую тень под скулами, каждую дрожь в уголке губ.

Он замолчал. Его пальцы коснулись моих губ мягко, почти благоговейно.

Я смотрела на него. В горле стоял ком. В груди – ледяная

пустота. Но в животе... в животе пульсировала тень чего-то другого. Не желания. Понимания. Понимания, что принц безумен – но его безумие чище, чем ложь двора. Честнее, чем «справедливость» императора.

– Нет, – сквозь зубы процедила я, задыхаясь от ярости. – Нет! Я останусь! Я лучше... лучше умру, чем... стану женщиной такой твари, как ты... Есть границы, Иавис... Границы, за которые нормальный не переступает... А ты переступил. Если бы я была тебе хоть немного дорога, ты бы... ты бы не заставлял меня страдать. Ты бы не устроил все это представление... Тебе плевать на меня. Тебе хотелось отомстить брату. За то, что император он, а не ты.

– Я никогда не хотел быть императором! До момента, пока ты не выбрала императора! Не принца! Императора! – в голосе Иависа прозвенела сталь.

– За то, что он забрал меня. За то, что я выбрала его! – произнесла я, чувствуя, как вся ярость рвется наружу. – За это! Это – месть. Не более...

Я ударила его по руке, отстраняясь. Глаза Иависа потемнели. Не от гнева. От боли – настоящей, острой, как нож.

– Я лучше сдохну с позором! – произнесла я хриплым шепотом.

– Моя маленькая королева... Кажется, он так тебя называет... Брат... Ты думаешь, что я ужасен? О, нет... – произнес Иавис. – Думаешь, я сумасшедший? О, ты еще не знаешь моего брата... Он страшен в своей одержимости...

Иавис вздохнул. В его глазах сверкнули слезы. Впервые я видела слезы в глазах дракона.

— Тогда... прощай, моя маленькая королева, — прошептал он, глядя мне в глаза. — Через час я увижу тебя в последний раз. И я буду помнить тебя такой — сломленной, но всё ещё прекрасной. Я заберу твое тело. Обниму его. И умру рядом. В жизни ты была его, в смерти станешь моей. Это — единственное, что меня утешает...

Дверь за ним закрылась. Я снова осталась одна.

Но на коже ещё долго горели следы его прикосновений. В ушах звенел его шёпот — сладкий, как яд. И я впервые за эту ночь задала себе вопрос, от которого кровь стыла в жилах:

Что страшнее — смерть от удара топора.

пора или вечность с безумцем, который хочет тебя сильнее жизни?

Глава 14

Я прижималась спиной к холодной и сырой стене, пытаюсь найти опору для позвоночника, который будто расплавился внутри. Колени подрагивали не от страха – от внутренней вибрации, будто кости превратились в стекло, готовое треснуть от собственного звона.

Память ударила неожиданно.

Я стояла в белом халате, держа в руках тонкий лист картона. Диплом. Буквы расплывались перед глазами от усталости после ночной смены. В животе булькал кофе из автомата – тот самый, дрянной, невкусный, с горчинкой подгоревшего молока, который я выпила третьим подряд.

Лина Фёдоровна прошла мимо с подносом инструментов, брезгливо фыркнув на роженицу в соседней палате: «Ноги-то раздвигать научилась, раз вон как пузо надулось! Не надо тут мне кряхтеть и изображать скромницу!» Её руки в перчатках проверяли раскрытие – без нежности, без жалости.

За стеной кричала женщина. Схватки начались.

Медсёстры несли в палату маленькие свёртки с бирочками.

Кто-то из мам смотрел на своё дитя с безумным счастьем, кто-то – с тупым равнодушием, будто принимал посылку с маркетплейса.

Я думала тогда: «Это моё. Я умею это».

Голова закружилась у автомата с водой. Виски сдавило железным обручем. Последнее, что я увидела – треснувшее стекло в двери выхода.

А очнулась в карете. Но не в карете скорой помощи.

Шёлк обволакивал тело, тяжёлый, как цепи. За окном мелькали башни сказочной красоты. Потом вспышка воспоминаний и тронный зал. В руке чужая ладонь – тёплая, сухая. Иавис. Но я смотрела мимо него – на того, кто стоял у трона. Высокий. В плаще цвета грозового неба. Его взгляд коснулся моего – и на запястье вспыхнула боль. Я посмотрела на свою руку, видя, как проступает золотой узор. Драконий символ. Метка невесты императора.

Тогда я подумала: судьба.

Где она теперь? Где эта судьба? Та самая, что вела меня сквозь белые коридоры к чужим родам? Та, что дала мне руки, умеющие принимать жизнь? Она предала меня. Оставила одну. Бросила. Выбросила, как ненужную вещь... Лишила меня даже права оправдаться...

Я тихо заплакала. Слезы катились по щекам, а я даже не стирала их. Я чувствовала, как тепло медленно покидало моё тело, словно оно решило умереть раньше, чем мне официально вынесут приговор.

Лязг ключей разорвал тишину.

– На выход!

Глава 15

Страх сжал меня так, что я не могла пошевелиться. Нет, нет... Я не хочу умирать... Не хочу... Я боюсь... Мне страшно... Божечки, как же мне страшно...

Стражник не смотрел мне в лицо. Его доспехи пахли ржавчиной и потом.

Я поднялась на дрожащие ноги, словно собрала себя заново: сначала колени, потом бёдра, потом позвоночник, позвонок за позвонком. Каждый шаг по коридору отдавался в пятках глухим эхом. Не мои шаги. Чужие. Те, что ведут к концу.

За что?

Мне так хочется жить...

“Скоро всё закончится...” – шептал тихий голос, словно пытаясь меня утешить смертью.

Нет! Нет! Нет!

Эта мысль ударила в грудь физической болью – острой, как спазм диафрагмы. Хочется вдохнуть воздух без смрада плесени. Хочется почувствовать тепло на коже – не от камина, а от солнца. Хочется услышать искренний смех... Выпить чашечку чая, съесть пирожное! Вдохнуть запах духов... Хочется... просто быть.

Это так... так... бесценно. Просто быть...

Слёзы потекли по моим щекам.

Двери в тронный зал распахнулись, словно голодная пасть.

Люди стояли стеной. Не толпой – живой плотью, дышащей моим унижением. Их глаза впивались в меня: одни – с любопытством, другие – с ненавистью, третьи – со злорадством. Воздух гудел от шёпота, от смешков, от шелеста одежды и вееров, накрахмаленных юбок, на скрип обуви.

На троне сидел Иаред.

Его лицо – мраморное. Но в глазах... в глазах плескалась всё та же агония. Он страдал. Его рука сжимала подлокотник так, что, казалось, он выломает его.

Голос канцлера, сухой, как пергамент, зачитывал приговор. Слова сливались в один сплошной гул: измена... детоубийство... позор империи... смерть через отсечение главы...

– Ваше последнее слово?

Я даже не сразу поняла, что обращаются ко мне. Но когда наступила тишина, то подняла голову. В горле пересохло – не от страха, а от правды, которая рвалась наружу сквозь слои лжи.

– Я не виновна.

Голос не дрогнул. Не сорвался. Прозвучал твёрдо.

Я тут же стиснула зубы, чтобы не дать себе позорно разреветься.

Руки стражников легли на мои плечи. Нажали. Колени ударились о мрамор – не больно, а глухо, будто я уже была

мертва.

Пальцы в волосах – чужие, грубые – выдёргивали заколки одну за другой. Золотые пряди ниспадали на плечи, на спину, на пол – тяжёлые, живые, последние остатки той, кем я была.

Иаред отвернулся.

Не отвёл взгляд. Не опустил глаза. Отвернулся – всем телом, всем существом, будто моя кара была для него мукой хуже смерти. И в этом жесте было всё: и любовь, которую он не мог убить, и честь, которую не мог предать, и закон, который заставлял императора смотреть, как умирает его сокровище.

Ножницы блеснули. Я зажмурилась.

Глава 16

“Хшип!” – тихий звук, с которым ножницы срезали прядь за прядью.

“Хшип! Хшип. Хшип!”

На пол падали золотые волосы. Они падали на плечи, на колени, рассыпаясь золотом и поблескивая из-за драгоценных масел.

На голове появилась легкость. Я провела рукой, чувствуя кривой ежик. Где-то короче, где-то длиннее.

– Вставай! – послышался резкий оклик. Платье с меня сорвали. Вместо мягкого бархата платья и струящегося нежно-го шелка белья на меня напялили грубую рубашку, похожую на мешок.

Послышался звон цепей. Цепь надели мне на шею, а я едва не сломалась под ее тяжестью. На уровне груди висел тяжелый камень с надписью: «Убийца!».

– Закон империи гласит: если ты совершил преступление, то неси за него ответственность! – зачитал канцлер. – Пусть этот камень символизирует ответственность...

Я бросила взгляд на мужа, а меня уже грубо развернули и толкнули в спину, ведя по живому коридору из потешающихся придворных.

Из распахнутой двери веяло холодом. Мои ноги ступили на тонкий лед, который тут же обжег мои ступни. Порыв

снежного ветра пронзил меня насквозь.

Я шла, чувствуя, как сознание начинает подплывать.

Впереди шел глашатай и звонил в колокольчик.

«Детоубийца. Изменница. Убийца!» – кричал он, а люди толпами сбегались на крики. Торговцы бросали свои лавки, выбегая посмотреть на преступницу.

На моей шее – не просто тяжесть. Я чувствовала, как цепь пропиливает плоть до кости. Дыхание вырывалось белыми ключьями пара, а судорожный вдох обжигал губы изнутри.

Кто-то выкрикнул: «Детоубийца!» – и в меня полетела ледышка.

Удар пришёлся в скулу – короткий, хрустящий, как сухая надломленная ветка.

Из глазницы хлынула влага: сначала горячая, солёная, знакомая. Но на щеке она застыла. Я почувствовала, как капля превращается в стеклянную иглу, впивающуюся в кожу.

Толпа ревела. В меня летели не только ледышки – гнилые яблоки с серой плесенью, картофелины с проросшими глазками, комья грязи, перемешанные со снегом. Один камень врезался в висок, и я почувствовала не удар, а странное онемение: будто часть черепа отключилась от тела. Второй удар в плечо. Третий – в живот. Но после третьего удара что-то щёлкнуло внутри.

Не в голове. В груди. Я почувствовала, как внутри что-то... проснулось.

Глава 17

Сердце сжалось от холода. Настоящего, физического холода, который выполз из глубины грудной клетки и начал обволакивать его ледяной коркой. Я физически чувствовала хрустящую корку, оплетающую мышцу, как сахарная глазурь на ягоде. Затем холод пополз вверх. К горлу, к челюсти, к вискам. И вниз. К пальцам.

Я посмотрела на руки.

Кончики пальцев покрылись ажурным узором, будто кружево зимы на замерзшем окне. Каждая линия на коже превратилась в миниатюрный хребет, каждая пора – в кристалл. Иней полз выше: по запястьям, по предплечьям, оставляя за собой мерцающий след, как след слизняка на листке при первых заморозках.

Кожа под инеем онемела.

Слёзы больше не текли. Они выдавливались из глазниц маленькими льдинками – острыми, как осколки битого стекла. Каждая новая слеза резала веко изнутри, оставляя крошечные ранки. Я моргнула – и почувствовала, как льдинки скребут по роговице.

Камень врезался мне в лоб – тупой, тяжёлый удар. Но я не вздрогнула. Не почувствовала боли.

Только вибрацию, доносящуюся до черепа, как эхо в пустой комнате.

Словно была под анестезией.

Да! Анестезия. Вот чего не хватало этому миру... О, если бы у меня был бы еще один шанс... А вдруг я смогла бы ее изобрести?

И тут же яркая вспышка мысли померкла. Я знала, что шанса не будет. Мир так и не узнает, что боль можно унять. Что тяжелые роды – это не приговор и не испытание на выносливость и силу...

В горле стояли слезы. Я ведь столько могла бы сделать... Если бы не смерть...

Я шла – и не чувствовала ног. Меня вели – и я не сопротивлялась. Толпа кричала – и звуки доносились издалека, будто сквозь толстое, непробиваемое стекло.

Удар, еще удар.

Боль – это сигнал. Я учила это в институте: боль предупреждает, боль лечит, боль спасает. Боль – наш союзник и друг. Хотя многие думают иначе.

Но эта боль... эта боль не имела цели. Она не защищала меня. Не предупреждала.

Она просто убивала. Каждый камень в лицо, каждый выкрик толпы – не рана, которую можно зашить.

Это изнасилование души. И я вдруг поняла: я не хочу это чувствовать. Не хочу помнить вкус крови на губах, не хочу помнить, как его глаза отвернулись от меня на троне.

Пусть заберёт. Пусть лёд заберёт всё – обиду, любовь, надежду. Лучше онемение, чем эта агония. Лучше вечная зима

в груди, чем ещё один удар по сердцу.

Потому что боль – это ещё жизнь. А я... Я больше не хочу жить вот так.

Глава 18

И лёд словно откликнулся. Он напелзал, а я уже не чувствовала боли от ударов.

Но самое страшное, я больше не чувствовала, как сердце разрывается на части от обиды и любви.

Словно этот лёд, окутавший сердце, превратился в оковы. Душа ещё ныла. Но сердце уже нет... Оно замёрзло.

Подмостки выросли передо мной – грубые, неструганные доски, покрытые коркой льда и снегом, который счистили перед тем, как заставить меня шагнуть на первую ступеньку.

На них стоял палач: детина в капюшоне. В руках он держал топор с потёртой рукоятью, измазанной чем-то тёмным. В центре стоял пень. Огромный, толстый, с тёмными пятнами в центре. Он напоминал те пни в мясном отделе рынка, на которых разделявали туши свиней. Те самые, где кишки вываливались наружу, а мухи кружили над ещё тёплым мясом.

А рядом с пнём корзинка.

Меня вырвало.

Не на землю – внутрь. Желудок свернулся комком, горло сжал спазм, и я почувствовала, как кислота обжигает пищевод изнутри.

Ноги подкосились. Мышцы перестали слушаться, будто их перерезали ножом. Меня втащили на помост за руки – грубо, без церемоний. Камень с меня сняли. Кожа на шее

осталась мокрой – не от пота, а от крови мозолей, смешанной со льдом.

Стражник схватил меня за остатки волос и потащил к пеньку. Его пальцы впились в кожу головы, выдирая корни. Но я не почувствовала боли. Только давление. Только движение.

Меня грубо уложили на пень.

Щека коснулась шершавого, влажного дерева, пропитанного чужой смертью. Я попыталась зажмуриться, но веки не слушались. Они застыли в полураскрытом состоянии, будто их сковали льдом. Я видела людей, видела серость неба, видела крыши домов... Видела птиц...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.